

Евгений Аничков

К. Д. Бальмонт

ЕВГЕНИЙ АНИЧКОВ

К. Д. БАЛЬМОНТ

«Public Domain»

1914

Аничков Е. В.

К. Д. Бальмонт / Е. В. Аничков — «Public Domain», 1914

«Когда в марте 1912 г. в Петербурге праздновали двадцатипятилетие поэтической деятельности Бальмонта и стали в особой комиссии, куда входили и профессора, и критики, и поэты, обсуждать, что, собственно, он сделал, с какой-то поразительной ясностью обнаружилась значительность творчества этого вечно живого и вечно юного поэта. Ведь, если подумать, с одной стороны, странно, что у него за плечами уже четверть века упорной писательской работы, а с другой стороны, и этот срок слишком короток, чтобы, столько наделать. „Я весны длю!“ – еще недавно уже маститым сорокалетним писателем воскликнул Бальмонт. Да, вся его поэзия – неперестающая весна. Слово это так подходит к нему...»

© Аничков Е. В., 1914

© Public Domain, 1914

Содержание

I. Первые шаги на пути литературы и первые стихи	6
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Евгений Васильевич Аничков

К. Д. Бальмонт

Когда в марте 1912 г. в Петербурге праздновали двадцатипятилетие поэтической деятельности Бальмонта и стали в особой комиссии, куда входили и профессора, и критики, и поэты, обсуждать, что, собственно, он сделал, с какой-то поразительной ясностью обнаружилась значительность творчества этого вечно живого и вечно юного поэта. Ведь, если подумать, с одной стороны, странно, что у него за плечами уже четверть века упорной писательской работы, а с другой стороны, и этот срок слишком короток, чтобы, столько наделать. «Я весны длю!» – еще недавно уже маститым сорокалетним писателем воскликнул Бальмонт. Да, вся его поэзия – неперестающая весна. Слово это так подходит к нему. Но весна эта не только улыбающаяся, не только радостная от веселых обещаний; она – не только беззаботная плясунья, украшенная венками из полевых цветов. Нет. Оказалось, что весна эта еще страдная, деятельная, трудовая. Меняются в ней картины: от красных горок, где водят хороводы, до тяжелых пахотей, где идут за плугом. Оттого, когда устроители его торжеств стали обдумывать содержание речей о Бальмонте, их пришлось распределить по-ученому:

Бальмонт – лирик, Бальмонт знаток древне-испанской поэзии, Бальмонт и шекспировская Англия, Бальмонт и Шелли... Всего не удалось даже оговорить. И в этих заботах о представлении Бальмонта во весь рост, как и в самом разнообразии его мыслей, образов, знаний, увлечений, верований, отошли куда-то далеко, далеко и совсем не такими важными оказались споры и пересуды о достоинствах и недостатках так называемых «новых веяний». Не то что забыли о них. Это было бы немислимо. Бальмонт их отец и создатель. Нельзя говорить о русском символизме, забыв о Бальмонте. Но не в «новых веяниях» дело. Как-то потонули споры о «новых веяниях», когда встала из пересмотра всего целиком поэтического творчества Бальмонта самая поэзия. Радостная, светлая, во многих ликах и в то же время с одним лицом для всех веков и для всех народов улыбнулась великая кудесница – поэзия, и привлекла она к его торжеству много юных сердец, так непосредственно, неподготовлено, словно крик сердца, отдававшегося этому празднику поэтической радости и поэтической работы.

I. Первые шаги на пути литературы и первые стихи

В середине 90-х годов, когда вышел его сборник «Под северным небом», Бальмонт пел на мотивы обычные: унылость, романтическая скорбь, жалобы на убожество жизни. Так пели многие в те времена поэты. Читатели и поклонники Гаршина и Надсона воспринимали и от Бальмонта то самое, к чему привыкли. Даже эпитафия, взятый из тоскующего эпигона немецких романтиков Ленау: «Никогда не предстало передо мной в жизни божественное без сопутствия грусти» – отвечал тогдашним запросам. В стихотворении «Нить Ариадны» только по порывистому триметру узнаешь настоящего Бальмонта:

Меж прошлым и будущим нить
Я тку неустанной, проворной рукою:
Хочу для грядущих столетий покорно и честно служить
Борьбой, и трудом, и тоскою, —
Тоскою о том, чего нет,
Что дремлет пока, как цветок под водою,
О том, что когда-то проснется чрез многие тысячи лет,
Чтоб вспыхнуть падучей звездой.
Есть много несказанных слов
И много созданий, не созданных ныне, —
Их столько же, сколько песчинок среди бесконечных песков
В немой аравийской пустыне.

Гражданские чувства, служение прогрессу, жертва собою, мечтательность и разочарование – все это вылилось в стихотворении «Болото». Поэт восклицает:

О нищенская жизнь, без бурь, без ощущений,
Холодный полумрак, без звуков и огня!

В противоположность характерной для поэзии Бальмонта зрелых лет солнечности, его первые стихи можно назвать «лунными». Тихий зауценно-поэтический и зачаровывающий лунный свет вдохновлял и его первые поэтические грезы. Вот лунный сонет. Выбираю это стихотворение, потому что форма и тут пророчествует. Мы увидим, что поэт очень скоро станет придавать принципиальное значение форме сонета и на нем построит даже свое новое миропонимание. Пока он еще тихо напевает старые мысли на новый лад:

Когда Луна сверкнет во мгле ночной
Своим серпом, блистательным и нежным,
Моя душа стремится в мир иной,
Плняясь всем далеким, всем безбрежным
К лесам, к горам, к вершинам белоснежным
Я мчусь в мечтах, как будто дух больной.
Я бодрствую над миром безмятежным,
И сладко плачу, и дышу – Луной.
Впиваю это бледное сиянье,
Как эльф, качаюсь в сетке из лучей,
Я слушаю, как говорит молчанье.
Людей родных мне далеко страданье,

Чужда мне вся Земля с борьбой своей,
Я – облачко, я – ветерка дыханье.

О «новых веяниях», однако, уже заговорили в 90-х годах. Одновременно с первыми выступлениями Бальмонта как поэта вышел сборник, изданный Перцовым, «Молодая поэзия» и того же издателя-критика «Философские течения в русской поэзии», где впервые появилась статья Мережковского о Пушкине. «Тени» Федора Сологуба тоже уже заставили о себе поговорить. Уже смеялись над молодым Брюсовым. Волынский в Северном Вестнике пошел походом на реалистов и народников. И они, по праву, ответили ему резким осуждением, признав его самым вредным из всех представителей царившей реакции. Все это так. Но «новые веяния», как зачастую и гораздо позднее, вовсе не ставились в зависимость от оценки поэзии Бальмонта. При первых разговорах о нем ссылались почти исключительно на его деятельность переводчика и вообще знатока западной поэзии.

Раньше, чем узнали, и за много лет перед тем, как оценили собственные стихи Бальмонта, начали обсуждать его переводы из Шелли. В 80-х годах в Англии произошло возрождение Шелли, достигшее своего апогея в 1892 году во время празднования столетия со дня его рождения. Шелли был теперь превознесен выше Байрона, и понимание того, почему его поэзия совершеннее и значительнее, стало с этого времени сначала в Англии, а после и на континенте показателем изощренного поэтического вкуса. С 90-х годов чтить Шелли выше Байрона начинают и в наших университетских кружках. Имя Шелли называлось рядом с Ренаном, Флорбером, Сюлли Прюдомом и Гюйо, только что тогда привлечших к себе внимание той части русской молодежи, которая не удовлетворялась одной только более распространенной в то время родной народнической литературой. Занятия Бальмонта поэзией Шелли сразу вводят нас в искания обновлявшейся интеллигентской русской мысли.

Конечно, вовсе не в одном Шелли тут дело. Рядом с Шелли влекут Бальмонта к себе и Кальдерон, и гениальный друг Шекспира, Марло, а из современных Эдгар По и Оскар Уайльд. Бальмонт станет переводчиком всех этих поэтов, и такая деятельность затянется, станет привычной, будет поставлена поэтом как бы в обязанность самому себе. Бальмонт, в сущности, поэт-книголюб и даже поэт-эрудит, хотя он старался прослыть непосредственным и вовсе не книжным. Бальмонтом переведена для русских читателей даже ученая история древней итальянской литературы Гаспари. Прошлое поэзии займет в его развитии такое место, какое еще никогда со времени Пушкина не отводил ему в своей поэтической мастерской ни один русский поэт. Надо только оговориться, что эрудиция Бальмонта чисто художественная. Никакого не было и нет у него стремления рассуждать о поэзии. Тут он, действительно, весь непосредственность. Небольшой, вышедший гораздо позже сборник его статей «Горные вершины» ярко свидетельствует об отсутствии у Бальмонта этой особой способности наговорить о произведениях искусства или даже по поводу них много интересного, которая составляет сущность литературно-критического дарования. Погрузиться воображением в сами произведения поэтов, претворить их чуждый русскому человеку ритм и слог в современную русскую речь, как можно ближе и как можно точнее передать их образность – вот над чем так охотно и так неутомимо заработал смолоду и до сих пор трудится Бальмонт, как знаток и ценитель поэзии Запада.

Бальмонт – западник. Рано эти занятия западной поэзией приняли особый характер какого-то хождения паломником к разным престолом красоты и художественного совершенства. Еще в первом сборнике «Под северным небом» он восклицал:

Из-под северного неба я ушел на светлый юг!

Да, уходил и много раз. Западничество его не было только одним книголюбством. Не слова эти стихи:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.